

17 января 1977 года их было шестеро: Леонид Андреев, Олег Головкин, Игорь Еремин, Борис Машук, Александр Побожий, Николай Фотьев. Отцы-основатели областной писательской организации. Десять лет спустя — тоже шестеро, но из прежних остались только Машук и Фотьев. Новые: Андрей Терентьев, Олег Маслов, Евгений Замятин, Станислав Федотов. Двое последних — приезжие. Оставили сей мир Побожий и Еремин. Уехали Андреев и Головкин. Как говорят, иных уж нет, а те далекие...

А еще через пять лет — сегодня — нас уже десять. И весь прирост — свой, амурский: Тамара Шульга и Владимир Илюшин, Леонид Си-

НАШ ПРАЗДНИК — ВАШ ПРАЗДНИК

мачев и Игорь Игнатенко. Двое последних — самые «свежие» — еще не успели получить членские билеты творческого союза.

Амурские писатели и поэты... А ведь их гораздо больше, чем здесь названо. Еще почти два с половиной десятка имеют свои книжки (некоторые по две и три) или заметные публикации в журналах и сборниках. И общими силами только за последние пять лет мы выпустили 42 книги и 6 находятся в печати (4 из них — на средства спонсоров), после долгих мучений вновь появился сборник «Приамурье мое. 1990», полностью отданный молодым авторам, а среди них есть очень интересные и перспективные (если бы они еще смогли реализовать свою перспективу в нынешние беспросветные для литераторов времена; у самого-то сборника «Приамурье...», похоже, перспективы нет: для издательства он катастрофически убыточен). Вышло так же в Хабаровске поэтическое «общество»: «Радуга», в котором наши свое место с крупными подборками (можно сказать — мини-книжками) Светлана Борунова, Нина Дьякова, Владимир Гузий, Дмитрий Напара, Владимир Русаков...

Да, все мы писатели, все мы поэты, независимо от того, есть ли в кармане членский билет творческого союза. И нам надо объединиться, чтобы как-то противостоять натиску бездуховности, какого, пожалуй, не испытывала наша культура даже в годы репрессий. Поэтому мы, члены писательской организации и бывшего областного литературного объединения, создаем Амурскую творческую литературную ассоциацию АТЛАСС, а вместе с соседями думаем об

организации ассоциации писателей Дальнего Востока. И потому сегодня, в пору гражданской войны цен с покупателями, а покупателей — с пустыми прилавками, мы решили провести наш маленький праздник литературы. К счастью, у нас нашлись единомысленники среди новых российских предпринимателей, возрождающих старые добрые традиции благотворительности. Некоторые из них охотно откликнулись на нашу просьбу помочь отметить 15-летие писательской организации. Это — Амурское государственное геологическое пред-

приятие «Амурское предпринимательское объединение», малые формы». Низкий поклон! Поклон и благодарность Амурскому театру драмы и комедии, предоставившему зал ключительного последнего вечера, УВД Амурской области за безграничную мощь в печатных делах, за бесплатные тельные билеты в театральном музее, за возможность использования френч-зал.

И еще хотелось бы отметить большое спасибо начальнику управления культуры и искусства Бедной,

Литературный салон «АП»

Почти 30 лет назад начал публиковаться в «АП» студент педагогического института Игорь Игнатенко. Вначале это были заметки о жизни вуза, спортивные репортажи, затем паренек осмелел (за давностью лет раскроем маленькую тайну: его псевдоним был более чем скромным — «Подросток») и предложил редакции стихи. И пошло, поехало...

Сегодня И. Игнатенко далеко уже не подросток, а дважды дедушка, профессиональный журналист и литератор, редактирует газету сельхозинститута «Кадры — селу» и заодно преподает на кафедре культуры своего вуза курс современной дальневосточной литературы. Но стихи писать продолжает, даже выпустил три книжки, благодаря чему и был принят в Союз писателей России.

В канун 15-летия областной писательской организации наш старый автор вспомнил, что первая любовь не ржавеет, и принес рукопись. На этот раз — отрывок из повести «Бег по кругу». Кстати, скоро новая книга И. Игнатенко появится на прилавках книоторгов.

..Сегодня Лешка собирался вернуться в интернат к приезду сестры. Хотел заявиться еще утром, до завтрака — начало подводить живот. Но Конопчатый, с которым они пребывали в бегах, разоспался и ни в какую не реагировал на тычки в бок и призывы вставать, дрых без задних ног, аж причмокивал, словно во сне ему подавали чебуреки в масле. И такое блаженство было разлитым на физиономию, усыпанной веснушками и припорошенной сеном трухой, что Лешка махнул рукой и оставил всякие попытки растормошить соню. Он выбрался из сарайчика наружу и, подрагивая от озноба, окропил густую бархатистую пыль, истолченную лошадьми в загоне.

На загон они наткнулись случайно. Вначале, когда переплыли на пароме через Зею, хотели просто порыбачить и закупаться вволю. Но у причала тучей висела пыль, а удобные речные приступки были утыканы чужими закидушками. Посоветовавшись, Лешка с Конопчатым двинулись дальше вверх по тропинке, петлявшей в прибрежных ивняках, боярышнике и шиповнике. На гриеве редки осмотрелись и заметили впереди на дальнем склоне лошадины, сплошь покрытой осотом и вейником, темную сараюшку, окруженную полуразвалившимся забором. Дотопали туда и решили отабориться. От сараюшки к Зее вела набитая копытами тропа. Река здесь изгибалась, образуя протоку, отгороженную от основного русла тальниковым островком. В застишок не докатывались волны с фарватера.

Только поставили закидушки, как на червя свирепо пошла косятка и крупный пескар. Была у них кой-какая посуда на этот случай и припас для уха — картошка, несколько луковок, соль, буханка черного хлеба. Хлебово на костре поспевало быстро, они сдобривали уху диким чесноком и луком, росшим на луговине. Конопчатый даже щавеля

нарвал мелкого кислого, проклюнувшегося в кочковатых промоинах. Жить можно!

Вечером к сарайчику подошел табунок лошадей. Очевидно, они были лишены человеческого догляда и предоставлены самим себе. Лешка замер от восхищения и страстного желания погладить хоть одну по длинной, глянцево-блестящей шее. Но дикие животные не подпустили близко, шараялись от протянутых рук, не желая прикоснуться к хлебу, всхрапывали, пофыркивали, ногами перебирали, готовые умчаться в луговину.

Утром лошади ушли в дальние пойменные луга пастись. Мальчишки, хлопчата и закидушек, обсуждали способы покорения мустангов — так окрестил табунок Лешка. Цыганский от загара, он прямо дрожал, завидев в вечеру возвращающихся лошадей. Но без толковой снуды и думать было нечего покорить даже самую смиренную из них. А так хотелось взобраться верхом и прокатиться хотя бы лотихонечку, необязательно галопом.

На второй вечер Лешка нарисовал другу картину предстоящей операции по овладению мустангами. Они возвращаются в город, добывают моток крепкой веревки, запасаются едой и сеном, возвращаются к сарайчику у протоки. Надо еще найти где-то литовку и наложить побольше сена, да хлеба не пожалеть — посолить и оставить в загоне, пусть едят, привыкают. А там уж они сплетут уздечки, обратят приглянувшихся лошадей и — аллюр три креста! В отблесках костра Лешкины глаза диавола поверженно слушал друга, боясь нарушить вопросами вдохновенную речь, хотя и подступали сомнения, холодок страха заползал в мохлястую грудь, и сердчишко стучало в ребра.

Наконец завозился в сарайчике на охупке прошлогоднего перепрелого сена Конопчатый. Немного погодя он высунулся наружу, шурясь на туман и подрагивая от охватившей его свежей сырости. Лешки в загончике уже не было — умчал на проток проверить закидушки. В таком случае за Конопчатым оставались заботы по табору. Надо сварганить какой ни есть завтрак, а из чего? На донышке котелка подрагивал холодец застывшей за ночь ухи из наваристых жирных касатов. Но уха приелась, а много харча не предвиделось. В похушевшем сидорке горбились два черствых сухаря, и все — пустыня. Пора «рвать ногти на хату», как говорят железнодорожные бичары.

Только было стал напаривать Конопчатый спички в своих бездонных карманах, как с прото-

(ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ)

ки заголошшо заголосил Леха, а чего — не разобрать. Конопчатый махом подхватился на выручку, сгаяя напрямик через мокрые кусты, свалился с задернованного кругого карниза на песчаный приступочек, заозирался, отыскивая в молочной непроглядности своего напарника.

— Васька!..
— Че возис-ся, Конопчатый! — прорезался вопль справа... Там, на входе протоки, у них стояла самая длинная закидушка, на которую почти ничего не ловилось. Они ее даже хотели переставить на середину протоки, но, занятые остальной добычливой снастью, так и не успели.

Стуча пятками по твердому сырому песку, Васька продрался сквозь туман к кривуно, где стояла закидушка, и наткнулся на Лешку. Рыбачок двумя руками вцепился в леску и ерзал по песку, то оступаясь в воду, то пятясь под сыпучий карниз берегового обрыва.

— Давай хватай! — проныхтел Лешка, пуча глаза и обливаясь потом, успешным обильно смочить его смоляные лохмы.

Васька ухватился за леску пониже Лешкиных рук и сразу же ощутил неведомую доселе тягу из речной глубины. Вся кожа покрылась гусиными пупырышками от этой жути, и в горле комком перекрыло дыхалку. Леску повело туго и сильно влево, она вспарывала со звоном парную воду протоки и дугой закругилась движение невидимой добычи к берегу. Мальчишки торопливо перехватывали жилку занемешными руками, еле поспевая подбирать слабиину. У самого берега ударил всплеск, и столбом взлетел фонтан брызг.

— Ексыл-моксиль!.. — обомлел Васька и с перепугу выпустил леску, шархнувшись назад, но зацепился за Лешку и грохнулся на песок, поминая давно забытую маму.

— Куда ты! — забрыкался его напарник, не выпуская лески, Васька подхватился и кинулся к воде, где прямо у берега ворочалось черное чудидце. Сомярал Хайластая морда с полуметровыми усцами тупо уставилась на Ваську малень-

кими глазками. В углу рта из разбуравленной дыры торчало цевье крючка, удерживающего там неизвестно каким чудом. Васька метнулся обратно к Лешке, и они ходом поволокли сома на берег, не давая ему опомниться. Тут же надели на речного разбойника, облепленного песком и тиной, взбрыкивающего и елозющего под руками.

— Вот она! Не уйдешь! Порыпайся мне! — выкрикивал Лешка, оседлав рыбку. Он диавола хохотал и побряктывал, принимая добычу. Усатый громилла хлопал крышками жабер и завивал змеей перистый хвост.

Васька выворотил подвернувшийся под руки крупный голыш и принялся тукать сома в голову, но усатый разбойник мотал башкой, и камень скользнул чирнал, не причиняя урона добыче.

— Да ударь ты его! Глушани!.. У-у-у, руни-пруни... — ругался Лешка. — Звезданы по сопатке!

Конопчатый перестал чащить, собрался с духом и даже отодвинулся подальше, выцеливая удобный момент. Сомяра как раз приутих, уморившись ездить по песку и захмелев от вольного воздуха.

— И-ех! — с размаху саданул Васька и, в очередной раз не ощутив плотности удара, кувыркнулся следом за каменнойкой, жгуче вбившей пальцы в зернистый песок.

— Куда?! — взвыл следом Лешка, опрокинутый могучим рынком, и рухнул рядом с дружкой. В пылу борьбы мальчишки снатились и урезу воды — и сому как раз хватило этого рыбка, чтобы плюхнуться в родную стихию. Поминай как заля!

Оглушенные и раздосадованные, пацаны кинулись было следом, шаря всплывшую рыбку по взбаламученной воде. Куда там! — усатого черта и след простыл. Лишь на берегу в переломленном песке беспорядочными кольцами и узлами лохматилась закидушка. Нестерпимо саднило ладони, и оба с ног до головы были покрыты липкой сомячьей слизью.

Пока успокаивались и отмылись, оставая от битвы, пона разглядывали царапины и саднины на руках и ногах, пока горевали и грозилась не оплошать в следующий раз, туман незаметно рассеялся, и в протоке загуляло раннее солнышко. На островной стороне запыливали кулички. Их жалобные голоса вторили настоятельно рыбаком, вяло сматывавший закидушку. Снимали с крючков пономчу добычу — тех же скрипучих косяток, платок чебанов и порядочную, в локоть, красноперку. Но не радовались, не вослициали заголошшо, как обычно, выворачивая из рыбки ртов кричущим: «А ну отдай, жгвоглотина!». Все заслонило видение ушедшего от них сома. Они даже не спорили на излук

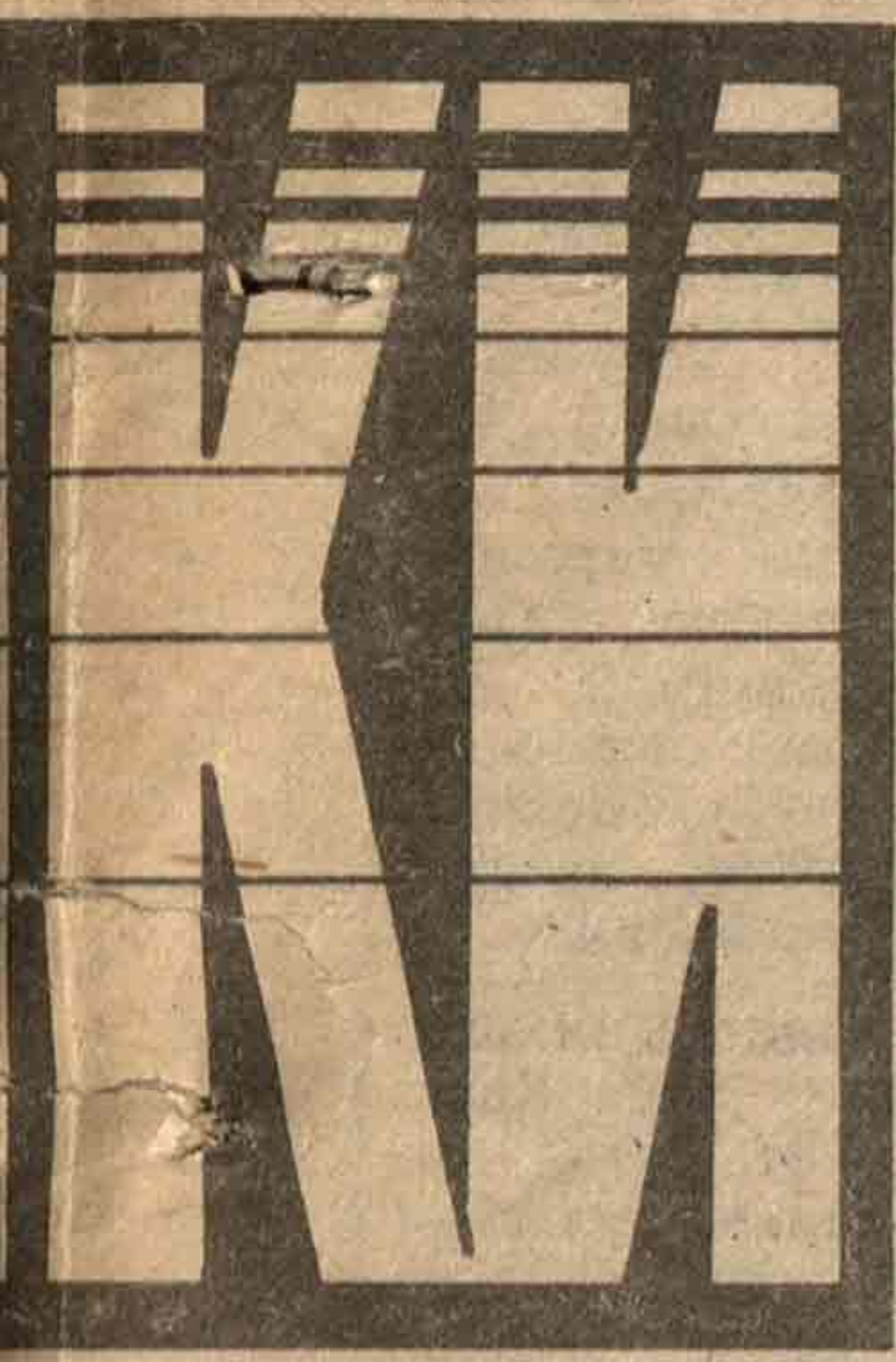
мургеология», не жалела сил и времени, помогая нам и словом, и делом. Как хорошо, когда у руководства стоит знающий, любящий свою работу, понимающий творчество и уважающий творцов человек!

Все газеты, выходящие в дни праздника в Благовещенске, предоставляют свои страницы амурским авторам. Мы и им говорим спасибо и поздравляем их с первым Днем российской печати. Давайте быть вместе, братья-журналисты и братья-читатели. Наш праздник — это и ваш праздник.

С. ФЕДОТОВ,
ответственный секретарь Амурской областной писательской организации.

Александр ИГНАТЕНКО

«БЕИ ПО КРУГУ»

лленную рыбацкую тему: каких размеров была уловленная рыбина. Каких! Ясно, каких... Шмотанул не хилых мужичков, как котят. Метра полтора был, не меньше! Но что толку из того — полтора или два? Ходит себе сейчас по протоне, глотает всех, кто подвернется, с хвостами и нолючками — не поморщится. А не то стал в яме под норягой, тоже успокаивается, жабры прощипывает...

Безо всякого аппетита дохлебали ребята на таборе холодной ушицы, схрумкали сухари. В пойменнй дали изредка взмахивали головами пасущиеся кони, отгоняя гнус. Лешка долго смотрел в ту сторону, морщился своим думам и кусал былинку. Васька тем временем припрятал под половницей закидушки и котелок, который надо было бы сходить помыть, да тошно появлялся на протоке. Туда же сунул пару ложек, умкнутых из привокзальной столовки. С посудой, конечно, дел больше никаких тут не было, но Лешка не спешил уходить. Васька послушно ждал, когда дружок отвернется от своих мыслей. Наконец, Лешка тряхнул головой, игранул желваками на худых щеках:

— Пошли, что ли... Зайцами прошмыгнули на паром в потоке грузившихся машин, перевалились на правый берег Зей и потом весь день слонялись по городу, навещая заветные точки, где можно было кой-чем разжиться либо встретить своего брата-интернатшца. Лешка не утерпел, сорвал-таки досаду за утерянного сома: затеял драку с горькими пацанами в парке. Вдвоем с Конопатым они успели насовать колотушек одному оглоеду, отказавшемуся «сорокнуть» мороженого. Не хочешь делиться? Получай! И встали жлобу юшку из носа. А потом ходом унеслись от возникших из-за киоска дружков оглоеда. Умчались почти невредимые. «Почти» — потому, что Лешке все-таки врезали вдогонку камнем по загорбку. Больно врезали! И жаловаться никому.

И интернату притопали уже сумерках, шатаясь от усталости и волчьего голода. Воле еще кой-кто хорохорился, или в прятки. «Туки-та!» — носилось ликующее от задрыльда после частого то-

пота ног. «Последняя курица жмурится», — напоминал изредка чей-то писклявый голос. Лешка и Конопатый направили стопы привычным маршрутом к окнам столовой. Не впервой им приходилось в потемках решать продовольственный вопрос, и удача редко обходила их стороной. Но на этот раз бродяг остановил твердый оклик:

— Вот они, голубчики! Сколько я вас тут ждать буду?

Из мглы возникла полная фигура, придвинулась и прояснилась в тетю Машу-кастеляншу. Мальчишки были понятыми, но дать стрекача сил не осталось ни капельки. Да и не такой человек тетя Маша, чтобы шарахаться от нее. Хотя, кто его знает? Трое суток в бегах. Нагорит обоим на полную катушку, если даже кастелянша их сторожит.

— Мы в жмурки, Марьямна... — попробовал было со-врвать Васька, но сразу же заглох, сообразив, что от вранья будет только хуже. Да и врать дальше на голодное брюхо не было сил.

— А вот я тебя сейчас застукаю, — подхватила Васькину брехню кастелянша, — дрыном по заднице! Где ошивались, ироды царя небесного?

Она мигом съездила блукарей по макушкам и принялась изучать их физиономии, горестно покачивая головой и вздыхая: — От набегались, так набегались... Дранье, рванье... В пузах бурчит — за версту слышно. Небось не густо кормят на волюшке разлюбезной? Чего стянули, того и сглотнули. И милиция вас не поймает! Работнички... — заклочила она неизвестно в чей адрес.

— Мы больше не будем, Мария Максимовна, — вновь поддал голос Конопатый.

— «Не будем...». Как же! — сердито отозвалась женщина. — Наедитесь, отоспитесь и опять айда по кустам да подворотням. Знаю я вас, обещальников. И сколько вы нам нервов потратили!

Мальчишки пожухли окончательно и переминались, ожидая, когда иссякнет тетя Машина красноречие. Но она еще не все выразила.

— А ты, Татьяничев, ты бы хоть о сестре подумал, если о себе не желаешь. Ей-то зачем душу рвешь, девушке. Ей и без тебя непросто. Мало — подрабатывает, так ведь еще сколько здоровья кладет на соревнованиях. Старается, бегаёт на рекорды. Порадовал бы сестру послушанием, бегло издомное.

Лешка еще больше насупился, замкнулся наглухо. Конопатый переминался рядом, не вставал.

Мария Максимовна махнула рукой:

— И когда оно до вас дойдет, олухи вы этакие? — сказано это было усталым и вроде бы потеплевшим голосом, вселившим в пришельцев надежду на окончание нотации. Кастелянша повела ребят за собой в открытую дверь столовой, принесла из кухни хлеба и чайник киселя, вторым заходом доставила большую миску каши — стевой, манной, намазанной сверху горьковатым яблочным повидлом. Дом родимый, спасибо и на то!

ИСПОВЕДЬ
Как никуда по морю крокодил, я никогда в фаворе не ходил. А нынче начинаю понимать, что даже Ты меня не любишь, мать! А были ведь влюбленной голубей! Но нынче, закаленному в судьбе, и Ангела-хранителя, и Бога приходится искать в самом себе...

Знакомого поэта не печатают.

Александр БОБОШКО

ЛЮБОВЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Нет на лице лица — лишь маска.

Смеюсь, а хочется рыдать. Я потерпел, увы, фиаско. Альтернативы не видать. При каждом случае удобным ты изменю старалась мне. Любовь разрушилась, подобно берлинской памятной стене. В тебе есть что-то от Мобуту, ты — Пиночет, недобрый джинн.

Любовь прогнила наша, будто коммунистический режим. Тебя забыть хочу я вскоре. Я — государство сам в себе. И налагаю мораторий на размышления о тебе. Система, чтоб не раскололась, я срочно выпущу указ: не вспоминать твой звонкий голос,

забыть сиянье твоих глаз. Но если в черное мгновенье придут мятежные полки, окажется неповиновенье душа, рассудку вопреки, — введу я армию сомнений, организую комитет функционального спасенья, скажу решительное «нет!» Устрою выстрелы и давку, в рассудке сделаю прорыв. Моя душа уйдет в отставку, о диктатуре пригрозив. Не дать ей слово я не в праве, чтоб плюрализм не удушить. Холодный разум будет править и жар гасить моей души.
3 апреля 1991 г.

Николай ФОТЪЕВ

БУГОР И КРУГОЗОР

Возглавивший саванну Носорог Стал размышлять, Как лучше ею управлять. — Черт знает, как живет зверье! — Ругался он, — всяк гнет свое! Всяк хочет жить своим умом, Своим чутьем! У каждого свои привычки, норы,

Свои угоды, гнезда, норы!.. Да разве так за всеми доглядишь, Всем угодишь?! Нет, нет. Так жить нельзя! Пора Собрать зверье вокруг бугра, А мне подняться на бугор. И вот он на бугре. Отличный кругозор! И звери, и зверьки все на виду. И все команды вмиг до них доходят! Да вот беда: не всем угоды подходят. Не все находят тут еду. И грянул голод, и болезни оружья,

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

С большим удовольствием и не без белой зависти хотел бы поздравить собратев по перу Игоря Игнатенко и Леонида Симачева со вступлением в Союз писателей. С небольшим сожалением скажу, что у меня тут — полный облом. Подумал: ну не трагиться же! Лучше исповедаться. Итак —

Уже и перья отстают от крыл. Он, как вина бутылка непочатая, ждет не дождется: кто б его открыл.

Еще его не зная, не печалится, не тужит поэтическая знать. Ждет публика, когда Поэт скончается, чтобы б нем в конце концов узнать.

С женою — и зной, и лед. И все у всех на виду. Но если Она уйдет, — и я от себя уйду.

Я жил не по Богу, да. Житуха была не мед. Но буду противен господу, — то кто же меня поймет?!

Жизнь моя, ты явно не в ударе. Жаль, что не дается жизнь вторая. На себе, как будто на гитаре, музыку негромкую играю. Весело играю и негромко: некуда особенно соваться. Сделаны последние аккорды. Жду аплодисментов. И оваций.
Геннадий ХОРОШАВЦЕВ.

разгулялись, И начался великий мор. Немногие в живых остались, Из тех, кто окружал бугор.

Наглядный преподавал урок тот Носорог. Но кой-кому он все не впрок. **ТОНКИЙ НАМЕК**

В итоге честных выборов в лесу Лишились хищники всевластия. И вот Шакал пытается старую Лису: — Кума. Теперь, когда у нас несчастье, Как поступать разумнее, как жить?

Лиса в ответ: — Служить, дружок, служить Законно избранным властям На всех постах и тут, и там. Но... так служить, такую линию блюсти, Чтoб все до ручки довести, До хаоса, до полного развала, Чтoб жизнь невыносимой стала,

Чтoб вoем все живое взвыло И стало требовать того, что было. При нас, при нашей власти, милый мой.

И мы, конечно же, поддержим душу, рассудку вопреки, — введу я армию сомнений, организую комитет функционального спасенья, скажу решительное «нет!» Устрою выстрелы и давку, в рассудке сделаю прорыв. Моя душа уйдет в отставку, о диктатуре пригрозив. Не дать ей слово я не в праве, чтоб плюрализм не удушить. Холодный разум будет править и жар гасить моей души.

А вы, друзья? Вы поняли намек?

Олег МАСЛОВ

Я рос в те годы на Амуре, Когда запела вся страна, Что здесь и тучи ходят хмуро,

И тишина напряжена, И все зловеще зарница Блестит в зарежном далеке, И хороша лишь та граница, Где все заставы на замке. И чуждость той поры тревожной,

Что смалу в кровь и плоть вошла, Не только по реке таежной, Но и по жизни пролегла.

Да, были споры и раздоры, Но сколько зверем ни рычи, И к пограничным тем заборам Пришел черед искать ключи. И вот уже открыты двери, И приготовлены хлеб-соль, А горький привкус недоверья —

Как недолеченная боль. Хоть на лице улыбка дружья, А все ж не верится пока, Что мир надежный без оружья,

Как и граница — без замка. Что ж, может быть, и не успеем.

Мы, дикой эры старики, Избывь вражду и по музеям Раздать кордонные замки. Но зря б мы прожили на свете,

Когда бы детям довелось Принять от нас, как эстафету, —

И нашу хмурь, и нашу ровнь. Довольно злобе ненасытной Того, что судьбы их отцов Траншеями борьбы изрыты Сильней амурских берегов, И их инфарктные сердца Болят, но бьются до конца.
* * *

И прежде было, и намерен — За тирании тяжкий гнет Расплачивается последний, Кто завершает царский род, Когда, сорвав оковы страха, Встает народ за жребий свой, И наземь шапка Мономаха Летит с повинной головой. А вся вина, что он, последний, Нарушил родовой устав — Прилюдно снял венец

наследный, Рабам свободу даровав. И нет на свете горше доли Того, кто принял этот крест... Но кто-то снова в ореоле — Увы, на плахе и престоле Свободных не бывает мест.

Светлана БОРЗУНОВА

И когда судьба отсеет сор случайный, мелкий мусор повседневной суеты,

мы останемся — как были изначально — на земле незаселенной — я и ты.

Да неведомые звери в скалах диких, не имеющих названия пока. В океан, еще не названный Великим, путь направит безымянная река,

вдоль по небу, не запытанному дымом, поплывут к закату птицы без имен...

И тогда я прошепчу тебе: «Любимый» — слово первое всех будущих племен.
* * *

А поскольку нынче осень не исполнилась, Не исполнятся ни лето, ни весна.

А на проруби вода застынет волнами, Так что взглядом не дотянешься до дна. От тоски моей морозы невеселые, Ледяным покровом стиснута река.

И не верится, что там, в глубин, течение Юрко вьется, подмывая берега.